

Л. Н. Толстой

Народные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Народные рассказы / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2017. – 82 с.

ISBN 978-5-517-99323-6

Народные рассказы: Народные легенды. Тексты к лубочным картинам. Три притчи.

ISBN 978-5-517-99323-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАКЪ ЧЕРТЕНОКЪ БРАЮШКУ ВЫКУПАЛЪ

Выѣхаль бѣдный мужикъ пахать, не завтракамши, и взялъ съ собою изъ дома краюшку хлѣба. Перевернулъ мужикъ соху, отвязаль сволока, положиль подъ кустъ; тутъ же положиль краюшку хлѣба и накрыль кафтаномъ. Уморилась лошадь и проголодался мужикъ. Воткнулъ мужикъ соху, отпрягъ лошадь, пустиль ее кормиться, а самъ пошелъ къ кафтану пообѣдать. Подняль мужикъ кафтанъ — нѣтъ краюшки; искаль, искаль, повертѣль кафтанъ, потрясь — нѣтъ краюшки. Удивилъ мужикъ. „Чудное дѣло, думаетъ. Не видалъ никого, а унесъ кто-то краюшку“. А это чертенокъ, пока мужикъ пахаль, утащиль краюшку и сѣлъ за кустомъ послушать, какъ будетъ мужикъ ругаться, его, чорта, поминать.

Потужиль мужикъ.

„Ну да, говорить, не умру съ голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унесъ. Пускай ѣсть на здоровье!“

И пошелъ мужикъ къ колодцу, напился воды, отдохнулъ, поймалъ лошадь, запрягъ и сталъ опять пахать.

Смутился чертенокъ, что не навель мужика на грѣхъ, и пошелъ сказаться на́большему чорту. Явился къ на́большему и рассказалъ, какъ онъ у мужика краюшку унесъ, а мужикъ замѣсто того, чтобы выругаться, сказалъ: „на здоровье!“ Разсердился на́большій дьяволь. „Коли, говорить, мужикъ въ этомъ дѣлѣ верхъ надъ тобою взяль, ты самъ въ этомъ виновать: не умѣль. Если, говорить, мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмутъ, намъ уже нѣ при чемъ жить станеть. Нельзя

этого дѣла такъ оставить! Ступай, говорить, опять къ мужику, заслужи эту краюшку. Если ты въ три года сроку не возьмешь верха надъ мужикомъ, я тебя въ святой водѣ выкупаю!“

Испугался чертенокъ, побѣжалъ на землю, сталъ придумывать, какъ свою вину заслужить. Думалъ, думалъ и придумалъ. Обернулся чертенокъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ бѣдному мужику въ работники. И научилъ онъ мужика въ сухое лѣто посѣять хлѣбъ въ болотѣ. Послушался мужикъ работника, посѣялъ въ болотѣ. У другихъ мужиковъ все солнцемъ сожгло, а у бѣднаго мужика выросъ хлѣбъ густой, высокій, колосистый. Прокормился мужикъ до нови, и осталось еще много хлѣба. На лѣто научилъ работникъ мужика посѣять хлѣбъ на горахъ. И выпало дождливое лѣто. У людей хлѣбъ повалялся, попрѣлъ и зерна не налило, а у мужика на горахъ обломный хлѣбъ уродился. Осталось у мужика еще больше лишняго хлѣба. И не знаетъ мужикъ, что съ нимъ дѣлать.

И научилъ работникъ мужика затереть хлѣбъ и вино курить. Накурилъ мужикъ вина, сталъ самъ пить и другихъ поить. Пришелъ чертенокъ къ наибольшему и сталъ хвалиться, что заслужилъ краюшку. Пошелъ наибольшій посмотреть.

Пришелъ къ мужику, видитъ — созвалъ мужикъ богачей, виномъ ихъ угощаетъ. Подносить хозяйка вино гостямъ. Только стала обходить, зацѣпилась за столъ, пролила стаканъ. Разсердился мужикъ, разбранилъ жену: „ишь, говорить, чортова дура! развѣ это помои, что ты, ко-солапая, такое добро наземь льешь?“

Толкнулъ чертенокъ наибольшаго локтемъ: „примѣчай, говорить, какъ онъ теперь не пожалѣетъ краюшки“.

Разбранилъ хозяинъ жену, сталъ самъ подносить. Приходить съ работы бѣдный мужикъ, незванный; поздоровался, присѣлъ, видитъ — люди вино пьютъ; захотѣлось и ему съ устали винца выпить. Сидѣль-сидѣль, глоталь-

глоталь слюну, — не поднесъ ему хозяйнѣ; только про себя пробормоталь: „развѣ на всѣхъ васъ вина напасешься!“

Понравилось и это наибольшему чорту. А чертенокъ хвалится: „погоди, то ли еще будетъ“.

Выпили богатые мужики, выпилъ и хозяйнѣ. Стали они всѣ другъ къ дружкѣ подольщаться, другъ дружку хвалить и масляныя облыжныя рѣчи говорить. Послушаль, послушаль наибольшій, — похвалиль и за это. „Коли, говорить, отъ этого питья такъ лисить будутъ да другъ дружку обманывать, они у насъ всѣ въ рукахъ будутъ“. — „Погоди, — говорить чертенокъ, — что дальше будетъ; дай они по другому стаканчику выпьютъ. Теперь они, какъ лисицы, другъ передъ дружкой хвостами виляютъ, другъ дружку обмануть хотятъ, а погляди, сейчасъ какъ волки злые сдѣлаются“.

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у нихъ рѣчь погромче и погрубѣе. вмѣсто масляныхъ рѣчей стали они ругаться, стали другъ на дружку обозляться, сцѣпились драться, исколупали другъ дружкѣ носы. Ввязался въ драку и хозяйнѣ, избили и его.

Поглядѣль наибольшій, и понравилось ему и это. „Это, говорить, хорошо“. А чертенокъ говорить: „погоди, то ли еще будетъ! Дай они выпьютъ по третьему. Теперь они какъ волки остервенились, а дай срокъ, по третьему выпьютъ, сейчасъ какъ свиньи сдѣлаются“.

Выпили мужики по третьему. Разсолодѣли совсѣмъ. Бормочуть, кричатъ, сами не знаютъ что, и другъ дружку не слушаютъ. Пошли расходиться — кто порознь, кто по-двое, кто по-трое — повалялись всѣ по улицамъ. Вышелъ провожать гостей хозяйнѣ, упаль носомъ въ лужу, измазался весь, лежитъ какъ боровъ, хрюкаетъ.

Еще пуще понравилось это наибольшему. „Ну, говорить, хорошее питье ты выдумаль, заслужилъ краюшку. Скажи жъ ты мнѣ, говорить, какъ ты это питье сдѣлаль? Не иначе ты сдѣлаль, какъ напустиль туда сперва лисей

крови: отъ нея-то мужикъ хитрый какъ лисица сдѣлался. А потомъ — волчьей крови: отъ нея-то онъ обозлился какъ волкъ. А подъ конецъ подпустилъ ты, видно, свиной крови: отъ нея-то онъ свиньей сталъ“.

— Нѣтъ, — говоритъ чертенокъ, — я не такъ сдѣлалъ. Я ему всего только и сдѣлалъ, что хлѣба лишняго зародилъ. Она, эта кровь звѣриная, всегда въ немъ живетъ, да ей ходу нѣтъ, когда хлѣба съ нужду рождается. Тогда онъ и послѣдней краюшки не жалѣлъ, а какъ стали лишки отъ хлѣба оставаться, сталъ онъ придумывать, какъ бы себя потѣшить. И научилъ я его потѣхѣ — вино пить. А какъ сталъ онъ Божій даръ въ вино курить для своей потѣхи, поднялась въ немъ и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пилъ, всегда звѣремъ будетъ.

Похвалилъ наибольшій чертенка, простилъ его за краюшку хлѣба и у себя въ старшихъ поставилъ.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВѢБУ ЗЕМЛИ НУЖНО

I

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣстъ и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшей сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

— Не промѣняю я, говоритъ, своего житья на твое. Даромъ что сѣро живемъ, да страху не знаемъ. Вы и почище

живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живетъ: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то: нынче богатъ, а завтра подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ; богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить: „сытость-то какая, — со свиньями да съ телятами! Ни убранства, ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говоритъ меньшая, — наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, — глядь, и соблазнить хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И поидетъ все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ. „Правда это, говоритъ, истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не поидетъ. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого, и самого чорта не боюсь!“

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и полегли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

„Ладно, думаетъ, поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму“.

II

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у нея 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужиками смирно — не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами.

Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредеть, либо телята въ луга уйдутъ, — за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала, — хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю и что ладить купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. „Ну, думаютъ, достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя, мы всѣ у нея въ кругу“. Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дорожке заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить; сбились и разъ, и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилить. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому: „раскупятъ, думаетъ, всю землю, останусь я не при чемъ“. Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, говорить, и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчель половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю, 15 десятинъ съ лѣсочкомъ, и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги половину отдалъ, остальные въ два года обязался вы-
•платить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ, и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣтъ, — не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растеть, и цвѣты-то цвѣтуть на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ — земля какъ земля, а теперъ совсѣмъ земля особенная стала.

III

Живетъ такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просилъ, все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгонялъ Пахомъ, и прощаль, все не судился, потомъ на-скучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлають мужики, а думаетъ: „нельзя же и спускать, этакъ они все вытравятъ. Надо поучить“.

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ, — глядь, бѣлѣтся. Подѣхалъ — лутошки брошены лежать, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайнія срѣзалъ, одну оставилъ, а то подъ рядъ злодѣй всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. „Ахъ, думаетъ, вызнатъ бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместилъ. Думалъ, думалъ, кто: „больше некому, думаетъ, какъ Семкѣ“. Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашель, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семень сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Па-

хомъ; со старшиной и судьями разругался. „Вы, говорить, воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ“. Поссорился Пахомъ и съ судьями, и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣй, а въ міру тѣснѣй.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: „самому мнѣ отъ своей земли идти не-зачѣмъ, а вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота“.

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ прохожій. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились, — откуда, молъ, Богъ несетъ? Говоритъ мужикъ, что идетъ съ низу, изъ-за Волги, тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, рассказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Рассказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество, и нарѣзали имъ по десять десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая, что горстей пять — и снопь. Одиинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: „что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь въ этой тѣснотѣ — грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо.“

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плыль по Волгѣ внизъ на пароходѣ, потомъ пѣшіей верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотою. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько

хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

IV

Пріѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попроилъ стариковъ, бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли, и кормовъ вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, куда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился — и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой, хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть, не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто — хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше — родилось хорошо; да далеко отъ села: версть за 15 возить надо. Видить — въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. „То ли дѣло, — думаетъ Пахомъ, — коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ. Все бы въ кругу было“. И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить. Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу

сѣяль. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая земля есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не поспѣлъ укупить и не на чемъ сѣять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да засудились мужики, такъ и пропала работа. „Кабы своя земля была, думаетъ, никому бы не кланялся, и грѣха бы не было“.

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинь, да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ — сладился за 1.000 руб., половину денегъ обождать. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Рассказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкирь. Тамъ, рассказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячь пять десятинь. И стало всего тысячу рублей. Сталъ спрашивать Пахомъ. Рассказалъ купецъ. „Только, говоритъ, стариковъ убоготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьетъ, и по 20 коп. за десятину взялъ“. Показываетъ купчую. „Земля, говоритъ, по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная“. Сталъ спрашивать Пахомъ, какъ и что. „Земли, — говоритъ купецъ — тамъ не обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленный, какъ бараны. Можно почти даромъ взять“. — „Ну, — думаетъ Пахомъ, — что жъ мнѣ за мои 1.000 руб. 500 десятинь купить, да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1.000 рублей чѣмъ завладаю!“

V

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставилъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ,